

Научная статья
УДК 903.2
doi: 10.17223/15617793/513/19

Карбанская традиция обрядовой практики: к истории одной из групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов*

Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин², Сергей Сергеевич Матренин³

^{1,3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

¹ seregin@mail.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ matrenins@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексной характеристике карбанской традиции погребальной обрядности населения булан-кобинской археологической культуры Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.), а также публикации материалов одного из эталонных ее комплексов. Учтены материалы раскопок свыше 700 объектов. Выделены отличительные характеристики карбанской традиции обрядовой практики. Обоснован тезис об участии в формировании обозначенной группы населения племен из Восточного Казахстана и Тувы, переселившихся на Алтай в связи с экспансией державы хунну.

Ключевые слова: Алтай, археологический комплекс, булан-кобинская культура, карбанская традиция, эпоха Великого переселения народов, погребальный обряд

Источник финансирования: работа выполнена в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Карбанская традиция обрядовой практики: к истории одной из групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 162–170. doi: 10.17223/15617793/513/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/19

The Karban ritual practice tradition: To the history of an Altai population group during the Great Migration Period

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Sergei S. Matrenin³

^{1,3} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

² Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

¹ seregin@mail.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ matrenins@mail.ru

Abstract. Relevant problems in studying the history of Altai in the last quarter of the 1st millennium BCE – the first half of the 1st millennium CE include the interpretation of the multivariance of the burial rite of the Bulan-Koba culture population and the reconstruction of the interaction process between nomadic groups of different origins. The article presents the results of a synthesis of archaeological sources on the Karban burial tradition and also publishes materials from the burial of one of its benchmark complexes (Mound No. 33 at the Karban-I necropolis in Northern Altai). Materials from the excavation of over 700 objects have been considered, some of which demonstrate the features of this monument group. It is concluded that the distinctive features of the Karban ritual tradition are a small oval-shaped mound, a shallow grave pit, single inhumation of the deceased, orientation of the deceased with the head towards the west, the absence of a buried riding horse, and variability in the intra-grave structure. It has been established that the "Karbon people" constituted one of the groups of the polyethnic population of the Altai's Bulan-Koba culture, which lived in the region from the 2nd century BCE to the 5th century CE. The thesis about the participation of tribes from Eastern Kazakhstan and Tuva in their formation is substantiated; these tribes migrated to Altai due to the expansion of the Xiongnu Empire into the northern regions of Central Asia at the end of the 3rd–2nd centuries BCE. In the ethno-social stratification of the Bulan-Koba culture nomads, the "Karbon people" generally occupied a rather low position. Judging by the discovered grave goods, the transformation of the "Karbon" material culture was based on the reworking

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

of prestigious categories of items from Xiongnu and Xianbei traditions, reflecting the general trends in the development of the material complex of Altai pastoralists in the last quarter of the 1st millennium BCE – first half of the 1st millennium CE. The most indicative changes occurred in weapon sets, military equipment, and adornments. The historical fate of the bearers of the Karban tradition remains unknown. The available archaeological materials demonstrate their departure or complete assimilation by a population group that migrated to Altai around the middle of the 5th century CE and formed the basis of the early medieval Turkic community. It can be stated definitively that elements of the Karban tradition are not traceable in the burial practices of the designated region or adjacent territories in the second half of the 1st millennium CE. The materials from the excavation of one of the indicative burials at the eponymous Karban-I necropolis, dating to the Xianbei period, introduced into scholarly discourse, expand and refine existing ideas about the nature of ethnocultural and social processes that took place in Altai during the Great Migration Period.

Keywords: Altai, archaeological complex, Bulan-Koby culture, Karban tradition, Great Migration Period, burial rite

Financial support: This research was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FZMW-2023-0009.

For citation: Seregin, N.N., Demin, M.A. & Matrenin, S.S. (2025) The Karban ritual practice tradition: To the history of an Altai population group during the Great Migration Period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 162–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/19

Введение

Реконструкция процессов формирования и трансформаций обществ кочевников поздней древности и средневековья, оказавших огромное влияние на судьбы многих народов Евразии, остается актуальным направлением исследований. Фрагментарность или полное отсутствие письменных источников по истории целого ряда объединений кочевников определяют приоритет археологических материалов при решении большинства дискуссионных вопросов. Так, именно результаты раскопок выступают основой для изучения особенностей происхождения и развития различных групп населения Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Ключевой особенностью булан-кобинской археологической культуры Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.) является высокая степень вариативности обрядовой практики ее носителей. Судя по имеющимся данным, материалы раскопок некрополей отражают незавершенность процессов этногенеза «булан-кобинцев», в которых принимали участие несколько групп местного и пришлого населения, а также специфику мировоззрения отдельных кланово-племенных коллективов.

Проведенный корреляционный анализ обширного корпуса источников (более 700 объектов) позволил сделать вывод о том, что на территории Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. существовала одна булан-кобинская культура с вариативным погребальным обрядом. Анализ всех признаков обрядовой практики стал основанием для выделения восьми типологических групп погребений данной общности (улуг-чолтухская, карбанская, яломанская, дялянская, берельская, айрыдашская, курайская, кок-пашская), свидетельствующих о существовании разных по происхождению общетерриториальных и локальных традиций [1. С. 148–165]. В настоящее время, учитывая появление новых материалов, а также способы изучения неопубликованных данных, имеются возможности для детализации сделанных выводов. В данной статье представлен опыт интерпретации основных аспектов истории носителей карбанской традиции погребальной практики, отражающей особенности обряда одной из наиболее многочисленных групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов.

Характеристика источников

В результате масштабных археологических исследований на Алтае, осуществленных, главным образом, в конце XX в., к настоящему времени изучена обширная серия объектов, отражающих общие и особенные черты карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры (рис. 1). Захоронения данной группы характеризуются следующим набором признаков: наземная конструкция в виде небольшой каменной насыпи овальной формы, почти всегда с выкладкой в виде однослойной креpidы; неглубокая (обычно до 0,5 м) могильная яма; одиночная ингумация умерших людей; ориентировка покойных головой в западный сектор горизонта (обычно с отклонением на север); отсутствие сопроводительного захоронения лошади; различные внутримогильные конструкции или отсутствие таковых [1. С. 159–160].

Погребения карбанской традиции впервые раскопаны в начале 1980-х гг. в Северном Алтае экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова на комплексе Айрыдаш-I [2]. Данный памятник расположен на правом берегу р. Катунь, к юго-востоку от с. Куяс Чемальского района Республики Алтай. Исследованные объекты составляли несколько десятков плотных рядов из тесно локализованных овальных курганов, имевших неглубокую (до 1 м) яму с труположением вытянуто на спине (в том числе нескольких человек), преимущественно без внутримогильных сооружений, а также в деревянных, реже каменных, каменно-деревянных ящиках, иногда в обкладках из камней. По завершении работ на памятнике в 1990 г. было изучено более 150 захоронений карбанской традиции, относящихся к бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры (II в. – первая половина IV в. н.э.). К сожалению, материалы этого уникального и полностью исследованного некрополя остаются не опубликованными до настоящего времени.

В ходе активных изысканий, проводившихся в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС в конце 1980-х – начале 1990-х гг., похожие объекты были выявлены на целом ряде памятников Чемальского района Республики Алтай. Информативные материалы получены при раскопках некрополя сяньбийского периода Карбан-I [3. С. 54–55], ставшего впоследствии эпонимным для

рассматриваемой традиции. На памятнике Усть-Эдиган исследованы самые ранние погребения «карбанцев», относящиеся к хуннускому времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) [4]. В составе своеобразного кладбища детей и подростков III–IV вв. н.э. комплекса Бике-I зафиксированы четыре захоронения карбанской традиции, в том числе с необычными элементами ритуала (отсечение ступней и берцовых костей) [5. С. 61–66, 73–74]. На могильнике Тыткескень-VI раскопаны шесть булан-кобинских курганов конца II – начала III в. н.э., демонстрирующих влияние материальной культуры сяньюби [6]. На остальных памятниках Северного Алтая изучены одиночные объекты, отражающие различные стороны карбанской традиции обрядовой практики.

Представительный корпус источников получен в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в ходе раскопок некрополей, расположенных на территории Онгудайского и Усть-Коксинского районов Республики Алтай. Показательными являются комплексы Улита и Бош-Туу-I, в составе которых суммарно изучены свыше 30 захоронений карбанской традиции, свидетельствующие о тесных контактах ее носителей с разными группами «булан-кобинцев» во II в. – начале IV в. н.э. [7. С. 15–17]. Разноплановые археологические данные, характеризующие развитие рассматриваемой традиции в жужанское время (вторая половина IV в. – V в. н.э.), зафиксированы в материалах некрополей Верх-Уймон и Чендек на Верхней Катунь [8. С. 11–17, 21–23]. В Южном Алтае пока исследованы только два безынвентарных карбанских захоронения взрослых людей на комплексе Кальджин-VI (Кош-Агачский район Республики Алтай) [9. С. 163].

В начале XXI в. единичные объекты рассматриваемой группы изучены в результате раскопок могильников Степушка, Улуг-Чолтух-I, Яломан-II [10, 11 и др.].

Важно отметить, что большая часть материалов, иллюстрирующих карбанскую погребальную традицию населения булан-кобинской культуры Алтая, полноценно не введена в научный оборот. Между тем обращение к этим источникам, в том числе к результатам раскопок базовых комплексов, является неперенным условием для реконструкции процессов сложения и последующей истории рассматриваемой группы кочевников.

Новые материалы

Эталонным памятником для изучения карбанской традиции погребального обряда населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. является могильник Карбан-I. Данный некрополь находится на территории Чемальского района Республики Алтай, на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Кунос (рис. 1). Комплекс обнаружен в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым в рамках рекогносцировочных работ в зоне затопления проектировавшейся Катунской ГЭС. В 1989–1990 гг. в ходе исследований, осуществлявшихся экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина, на памятнике раскопаны свыше 20 погребальных сооружений булан-кобинской культуры. По ряду причин информация о полученных результатах на протяжении более чем 30 лет ограничивалась только кратким сообщением [3]. К настоящему времени материалы раскопок некрополя изданы монографически [12].

Рис. 1. Расположение некрополей булан-кобинской культуры с погребениями карбанской традиции: 1 – Айрыдаш-I; 2 – Бийке; 3 – Бике-I; 4 – Бош-Туу-I; 5 – Верх-Еланда-II; 6 – Верх-Уймон; 7 – Кальджин-VI; 8 – Карбан-I; 9 – Степушка; 10 – Тыткескень-VI; 11 – Улита; 12 – Улуг-Чолтух-I; 13 – Усть-Бийке-III; 14 – Усть-Эдиган; 15 – Чендек; 16 – Яломан-II

Большая часть погребений булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I представляет собой подкурганные непотревоженные могилы с захоронениями по

обряду одиночной ингумации, включавшими показательный сопроводительный инвентарь. Рассмотрим общие и особенные характеристики этих объектов на

примере материалов одного из раскопанных закрытых комплексов.

Курган № 33 являлся самым восточным сооружением среди исследованных на некрополе Карбан-I погребальных сооружений булан-кобинской культуры, локализованных несколькими компактно расположенными рядами. Обозначенный объект имел уплотненную насыпь, сложенную преимущественно из галечных валунов и ориентированную по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Размеры конструкции составили 2,9×2,3 м, высота – 0,1 м. По внешнему контуру наброска фиксировались более крупные камни, образующие однослойную выкладку-крепиду (рис. 2, А). Внутри кольца расчищены плиты перекрытия каменного ящика прямоугольной формы размерами 1,95×0,6 м. На грунтовом дне данной погребальной камеры, на глубине 0,4 м от уровня древнего горизонта, обнаружен скелет взрослого мужчины, уложенный в позе вытянуто на спине, головой на север-северо-запад (рис. 2, Б). Вдоль северо-восточной стенки ящика находились роговые накладки составного лука (рис. 3):

слева у головы и около левой голени – две пары концевых, на левом предплечье – три срединные (две боковые, одна тыльная). Между черепом умершего человека и концевыми накладками обнаружены три костяных (роговых) и один железный наконечники стрел со свистунками (рис. 4, 3–5, 7). Еще четыре железных наконечника (рис. 4, 1–2, 8–9) выявлены около левой кисти умершего, а один костяной (роговой) (рис. 4, 6) – в заполнении ящика над левыми ребрами. У нижней челюсти погребенного с левой стороны найдена крупная бусина белого цвета (рис. 4, 10). С внешней стороны правого бедра обнаружены железное шило с кольцевым навершием и небольшая железная пластинка (рис. 4, 11), а также костяная рукоять плети (рис. 4, 12). На поясничных позвонках и вдоль нижних ребер зафиксированы железные гарнитуры наборного (рис. 4, 13, 15–18) и простого (рис. 4, 14) поясов. Вдоль левого бедра находился крупный железный нож с сохранившимися железными пластинками-оковками ножен (рис. 5, 1–2). У правой бедренной кости обнаружен второй железный нож меньшего размера с бляхами-заклепками от ножен, лежавшими вдоль лезвия (рис. 5, 3–7).

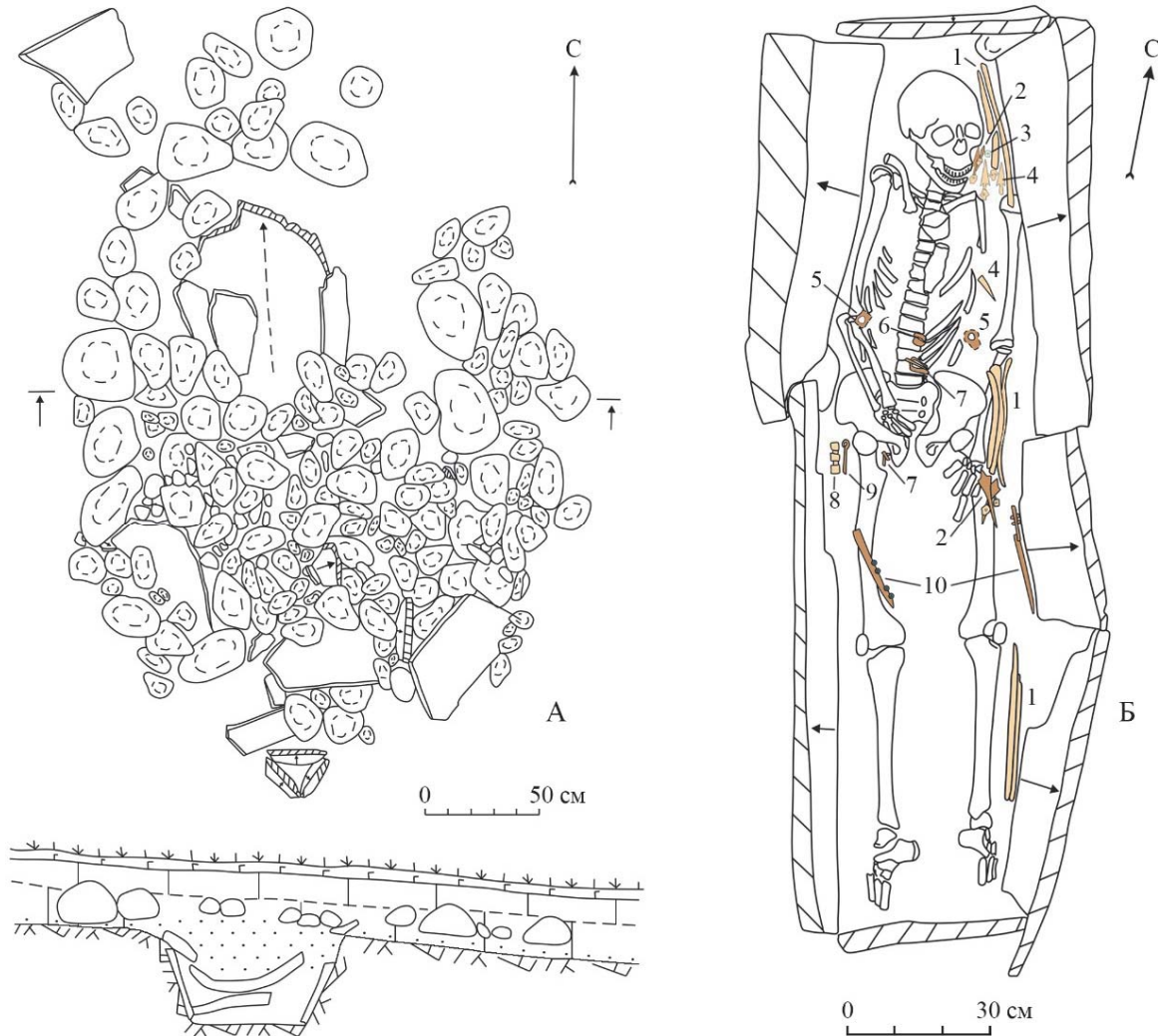

Рис. 2. Курган № 33 некрополя Карбан-I. А – план и разрез наземной конструкции; Б – план погребения:
1 – роговые накладки на лук; 2 – железные наконечники стрел; 3 – каменная бусина; 4 – костяные (роговые) наконечники стрел;
5 – железное кольцо; 6 – железная пластинка; 7 – железная пряжка; 8 – костяная рукоять плети; 9 – железное шило; 10 – железный нож

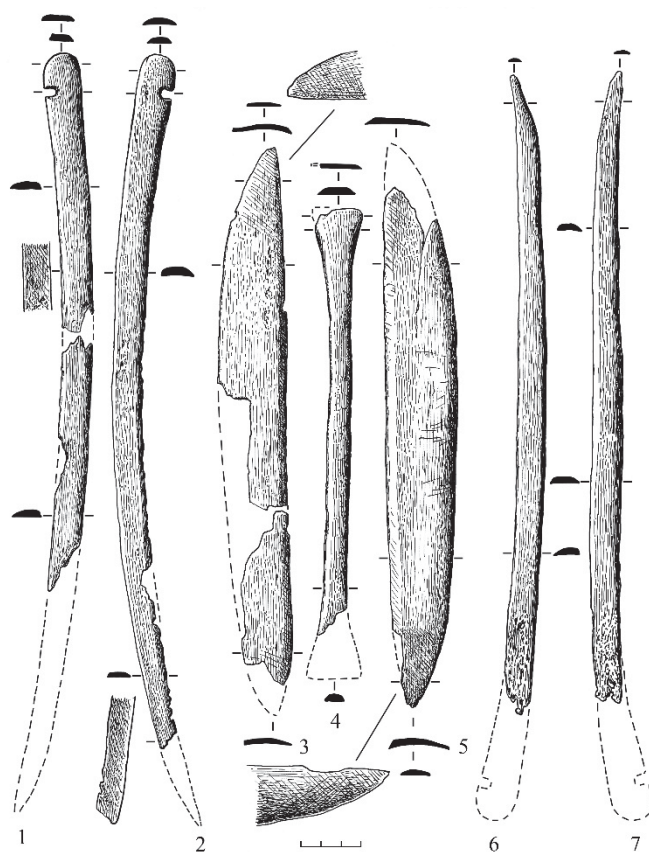

Рис. 3. Роговые накладки лука из кургана № 33 некрополя Карбан-I

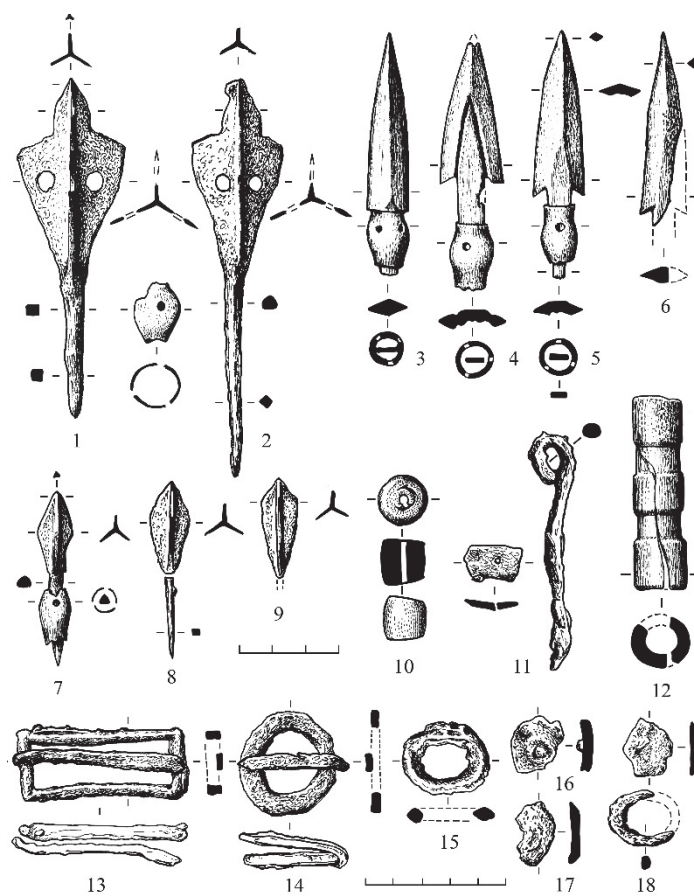

Рис. 4. Комплекс вооружения, снаряжения, орудий труда и украшений из кургана № 33 некрополя Карбан-I:
1 – железо, кость; 2, 7–9, 11, 13–18 – железо; 3–6, 12 – кость (рог); 10 – камень

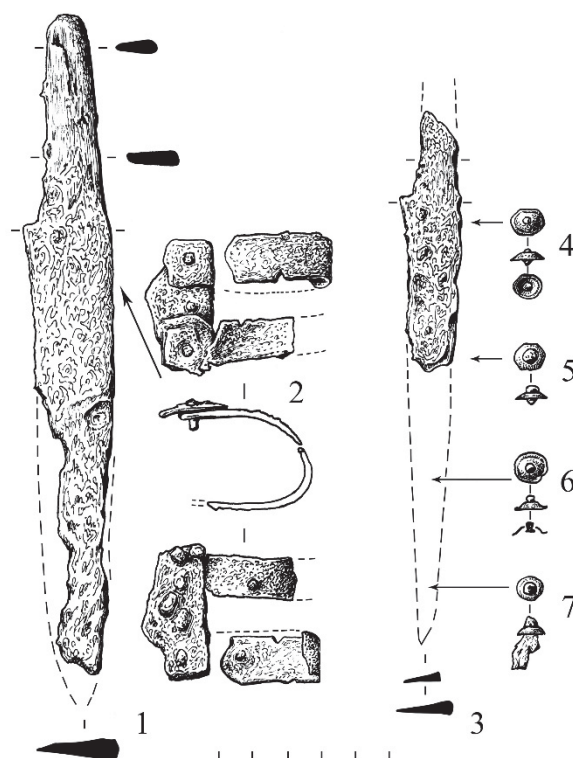

Рис. 5. Боевые ножи с деталями ножен из кургана № 33 некрополя Карбан-I:
1–3 – железо; 4–6 – бронза; 7 – бронза, железо

Зафиксированные особенности наземной конструкции (насыпь с кольцевой выкладкой в виде крепиды) и способа ингумации (одиночное захоронение с ориентировкой покойного головой в северо-западный сектор горизонта) дают основания для отнесения кургана № 33 некрополя Карбан-I к объектам карбанской погребальной традиции населения булан-кобинской культуры Алтая. Для установления времени сооружения рассматриваемого комплекса показательными являются срединные боковые пластины с сегментовидным абрисом удлинённых пропорций, воспроизводившие конструктивные элементы луков хуннской традиции II в. до н.э. – начала III в. н.э.

Также к хуннской традиции относятся железные ярусные наконечники стрел из кургана № 33, представляющие собой довольно архаичные образцы, отличающиеся от центральноазиатских прототипов отсутствием лопастного упора [12. С. 50, 56]. В качестве раннего признака костяных наконечников стрел из рассматриваемого погребения отметим наличие у карбанских экземпляров отдельно изготовленной костяной свистунки. Хронологически выразительными являются также боевые ножи, имевшие однолезвийный треугольный в сечении клинок со слегка выгнутой спинкой, переходящий в прямую рукоять без перекрестия и навершия. Такие изделия появились на Алтае под влиянием материальной культуры поздних хунну или ранних сяньби и выступали эффективным средством ведения ближнего боя во II–V вв. н.э. [11. С. 58–59]. В целом сравнительное изучение сопроводительного инвентаря из публикуемого захоронения позволяет уверенно датировать данный объект в рамках II–III вв. н.э.

Сопоставление качественного и количественного состава предметного комплекса из захоронения кургана № 33 (прежде всего, оружия и воинского снаряжения) с материалами других памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. позволяет сделать вывод о довольно высоком прижизненном индивидуальном статусе погребённого мужчины в вертикальной стратификации булан-кобинского общества [13. С. 111]. Данный человек мог относиться к зажиточной прослойке скотоводов и являться профессиональным воином.

Обсуждение результатов

Сформированный корпус источников свидетельствует о том, что погребения карбанской традиции составляют значительную часть всех исследованных комплексов булан-кобинской культуры. В обобщённой серии захоронений взрослых людей с установленной половой принадлежностью (427 индивидов) их удельный вес насчитывает более трети [13. С. 124]. Объекты данной традиции выявлены в разных частях региона и относятся ко всем этапам развития булан-кобинской культуры. При этом «карбанцы» представляли собой одну из самых многочисленных групп скотоводов в Северном Алтае в сяньбийское время (не менее 60% всех исследованных захоронений в этом районе) [1. С. 159–160].

Вопрос о происхождении карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры остается дискуссионным. Принимая во внимание результаты сравнительного анализа археологических комплексов Алтая скифо-сакского времени (вторая половина VI в. – III в. до н.э.) и хуннского периода

(II в. до н.э. – I в. н.э.), представляется возможным сделать ряд предварительных заключений. Судя по имеющимся материалам, в формировании карбанской традиции приняли участие местные непазырыкские племена скифо-сакского времени и кочевники из периферийных с Алтаем районов Восточного Казахстана и Тувы, продвинувшиеся оттуда вглубь Алтайской горной страны в связи с экспансией державы хунну в северные области Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н.э. Не исключено, что среди них были потомки скотоводов аржано-майэмирского времени, когда-то вытесненных из областей своего основного проживания «пазырыкцами». При этом за пределами Алтая наиболее близкие погребения с ориентировкой умерших людей головой в западном направлении, в положении вытянуто на спине, в каменных ящиках и ямах достаточно многочисленны в майэмирских и кула-жургинских комплексах Верхнего Прииртышья [14. С. 64–80; 15. С. 37]. Вполне вероятно, что в хуннское время «карбанцы» проживали в Северном Алтае, а затем распространились на другие области Алтайской горной страны.

Изучение доступных археологических источников позволяет проследить процесс развития карбанской традиции на территории Северного и Центрального Алтая, который выражался в изменении таких характеризующих ее элементов, как поза умершего человека в могиле и устройство погребальной камеры. В хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) «карбанцы» хоронили своих покойных на левом боку и на спине с согнутыми ногами и разворотом верхней части туловища на левый бок, преимущественно в каменных ящиках из массивных плит и крайне редко в комбинированных ящиках и обкладках из валунов. В сяньбийский (II в. – первая половина IV в. н.э.) и жуанский (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) периоды они практиковали ингумацию почти исключительно вытянуто на спине в разнообразных внутримогильных конструкциях (узкие каменные ящики из тонких плит, деревянные и комбинированные ящики, в том числе в виде имитаций, представленных отдельно установленными плитами), а часто вообще без таковых. Фиксируемое разнообразие устройства погребальных камер отражает локальные и хронологические особенности обрядовой практики. Отдельные индивидуальные черты их оформления могли быть обусловлены причинами мировоззренческого характера, обстоятельствами смерти, а также иными, пока не объяснимыми мотивами.

Судя по обнаруженным предметам сопроводительного инвентаря, трансформация материальной культуры «карбанцев» базировалась на переработке престижных категорий изделий хуннской и сяньбийской традиций, что отражало общие тенденции развития вещевого комплекса скотоводов Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. При этом наиболее показательные изменения происходили в наборах вооружения, воинского снаряжения и украшений.

Карбанское общество было интегрировано во все сферы хозяйственной деятельности «булан-кобинцев»

Алтая. Значительное место в их жизни занимало военное дело, о чем свидетельствует присутствие в большинстве мужских погребений предметов вооружения, представленных в основном луком и стрелами с железными наконечниками, реже – короткоклиновым оружием (нож, кинжал). Данный комплекс боевых средств был ориентирован на эффективное противостояние со слабо защищенным противником и соответствовал легкой коннице и пехоте. Некоторые группы «карбанцев» были вовлечены в вооруженные конфликты, что подтверждают зафиксированные случаи боевого травматизма в виде посмертных травм на черепах и костях посткраниального скелета (стреляные, рубленые, колотые раны, отсечения конечностей, декапитация). Особенно драматичной была судьба скотоводов, оставивших некрополь Айрыдаш-I, которые стали жертвой вооруженного насилия, возможно, со стороны этнически (культурно) чужеродного населения.

Результаты реконструкции общественной организации населения Алтая по материалам раскопок погребальных комплексов позволяют представить динамику статуса «карбанцев» в этносоциальной стратификации булан-кобинского общества [13. С. 123–130]. На усть-эдиганском этапе (II в. до н.э. – I в. н.э.) мужская часть носителей данной традиции относилась к бедной части среднего слоя населения (захоронения с оружием дальнего боя, поясом, небольшим количеством не престижных украшений), а также к нижнему слою (захоронения без инвентаря). При этом женщины могли входить в самые привилегированные группы (захоронения с многочисленными украшениями, в том числе пластинами-диадемами, и разнообразной утварью), что, по видимому, было обусловлено их семейным положением. На бело-бомском этапе (II в. – первая половина IV в. н.э.) в рамках интенсификации межэтнического взаимодействия разных групп населения произошло усиление социальной дифференциации «карбанцев», которые вышли на более высокие социальные позиции в Северном Алтае. С другой стороны, в Центральном Алтае они относились почти исключительно к нижнему слою кочевников. Показательно, например, что на могильнике Бош-Туу-I в мужских погребениях данной традиции ни разу не обнаружены предметы вооружения. Объективная оценка социального статуса «карбанцев» на верх-уймонском этапе развития булан-кобинской культуры (вторая половина IV в. – V в. н.э.) пока затруднена из-за малочисленности объектов, относящихся к данному периоду. В целом в стратификации скотоводов региона во II в. до н.э. – V в. н.э. они занимали невысокое положение, но при этом находились в тесном взаимодействии с другими группами населения булан-кобинской культуры и были включены в семейно-брачные и производственные отношения, что подтверждается обнаружением синхронных захоронений разных погребальных традиций на многих некрополях.

Дальнейшие исторические судьбы носителей карбанской традиции остаются неизвестными. Имеющиеся археологические материалы демонстрируют их уход или полную ассимиляцию переселившейся на Ал-

тай около середины V в. н.э. группы населения, которая составила основу при формировании общности раннесредневековых тюрок. Определенно можно утверждать, что элементы карбанской традиции не прослеживаются в погребальной практике населения обозначенного региона, а также сопредельных территорий во второй половине I тыс. н.э.

Заключение

Публикуемые материалы кургана № 33 некрополя Карбан-I, датирующегося сянбийским периодом, представляют собой часть обширного на сегодняшний день корпуса археологических источников, информативного для разноплановой интерпретации карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры Алтая. Установлено, что ее отличительными признаками выступают одиночная ингумация умершего человека, ориентированного головой в западный сектор горизонта, без сопроводительного захоронения лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой и без

нее, в ямах небольшой глубины с различным оформлением погребальной камеры. В формировании данной традиции участвовали местные «непазырыкские» и пришлые группы населения из Восточного Казахстана и Тувы, переселившиеся на Алтай в связи с экспансией кочевой империи хунну во II в. до н.э. в северные области Центральной Азии. В этносоциальной стратификации кочевников булан-кобинской культуры «карбанцы» занимали в целом невысокое положение. Судя по имеющимся археологическим материалам, носители карбанской традиции обрядовой практики прекратили свое существование после прихода на Алтай новой группы населения и сложения общности раннесредневековых тюрок.

Вводимые в научный оборот данные расширяют и уточняют сложившиеся представления о характере этнокультурных и социальных процессов, происходивших на Алтае в эпоху Великого переселения народов, а кроме того, актуализируют важность полноценного издания уже давно раскопанных, но слабо известных широкому кругу специалистов погребальных комплексов.

Список источников

1. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
2. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 197–200.
3. Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 54–55.
4. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 95–150.
5. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.
6. Кирюшин Ю.Ф., Мамадаков Ю.Т., Тишкин А.А. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескен'-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : БГПИ, 1992. С. 125–130.
7. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
8. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.
9. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с.
10. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. Ч. I. С. 388–391.
11. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
12. Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.
13. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.) : по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.
14. Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР. 1951. № 108. Серия археологическая. Вып. 3. С. 64–80.
15. Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

References

1. Seregin, N.N. & Matrenin, S.S. (2016) *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The Funeral Rite of the Altai Nomads from the 2nd Century BCE to the 11th Century CE]. Barnaul: Altai State University.
2. Surazakov, A.S. (1990) *Raskopki v doline Ayrydash* [Excavations in the Ayrydash Valley]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun River]. Novosibirsk: Nauka. pp. 197–200.
3. Kontev, A.V. (1991) *Raskopki pozdnegunnskikh pogrebeniy urochishcha Karban (Gornyy Altay)* [Excavations of Late Hunnic Burials in the Karban Tract (Gorny Altai)]. In: *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of Archaeology and Ethnography of Siberia and the Far East]. Vol. 2. Krasnoyarsk. pp. 54–55.
4. Khudyakov, Yu.S., Skobelev, S.G. & Moroz, M.V. (1990) *Arkheologicheskie issledovaniya v dolinakh rek Oroktoy i Edigan v 1988 godu* [Archaeological Research in the Valleys of the Oroktoy and Edigan Rivers in 1988]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun River]. Novosibirsk: Nauka. pp. 95–150.
5. Kubarev, V.D., Kireev, S.M. & Cheremisin, D.V. (1990) *Kurgany urochishcha Bike* [Kurgans of the Bike Tract]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun River]. Novosibirsk: Nauka. pp. 43–95.
6. Kiryushin, Yu.F., Mamadakov, Yu.T. & Tishkin, A.A. (1992) *Nekotorye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnika Tytkesken'-VI na Sredney Katuni* [Some Results of Archaeological Research at the Tytkesken-VI Site on the Middle Katun]. In: *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla* [Questions of the Archaeology of Altai and Western Siberia in the Metal Age]. Barnaul: BSPI. pp. 125–130.
7. Mamadakov, Yu.T. (1990) *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.* [Culture of the Population of the Central Altai in the First Half of the 1st Millennium CE]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

8. Soenov, V.I. & Ebel, A.V. (1992) *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni* [Mounds of the Hunnic-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: GAGPI.
9. Molodin, V.I., Polos'mak, N.V., Novikov, A.V., Bogdanov, E.S., Slyusarenko, I.Yu. & Cheremisin, D.V. (2004) *Arkheologicheskie pamyatniki ploskogor'ya Ukok (Gornyy Altay)* [Archaeological Sites of the Ukok Plateau (Gorny Altai)]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
10. Khudyakov, Yu.S. (2007) Raskopki mogil'nika Ulug-Choltukh v 2007 godu [Excavations of the Ulug-Choltukh Burial Ground in 2007]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XIII. Part I. Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 388–391.
11. Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. & Shmidt, A.V. (2018) *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* [Altai in the Xianbei-Rouran Time (Based on Materials from the Stepushka Site)]. Barnaul: Altai State University.
12. Seregin, N.N., Demin, M.A., Matrenin, S.S. & Umanskiy, A.P. (2022) *Severnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I)* [Northern Altai during the Great Migration Period (Based on Materials from the Karban-I Archaeological Complex)]. Barnaul: Altai State University.
13. Seregin, N.N. & Matrenin, S.S. (2020) *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Altai Population in the Era of Nomadic Empires (2nd Century BCE – 14th Century CE): Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul: Altai State University.
14. Chernikov, S.S. (1951) Otchet o rabotakh Vostochno-Kazakhstanskoy ekspeditsii 1948 goda [Report on the Work of the East Kazakhstan Expedition of 1948]. *Izvestiya AN KazSSR*. 3. pp. 64–80.
15. Marsadolov, L.S. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki IX–III vv. do n.e. gornyykh rayonov Altaya kak kul'turno-istoricheskiy istochnik (fenomen pazyrykskoy kul'tury)* [Archaeological Sites of the 9th–3rd Centuries BC in the Mountainous Regions of Altai as a Cultural and Historical Source (The Phenomenon of the Pazyryk Culture)]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Saint Petersburg.

Информация об авторах:

Серегин Н.Н. – д-р ист. наук; профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, зав. лабораторией древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Демин М.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Матренин С.С. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: matrenins@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Seregin, Dr. Sci. (History), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

M.A. Demin, Dr. Sci. (History), professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mademin52@mail.ru

S.S. Matrenin, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: matrenins@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 15.09.2024;
approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 30.04.2025.*